

УДК 316.7

ГЕНДЕРНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ОБРАЗА РОССИИ

В.Я. Нагевичене

В данной работе рассматривается процесс становления гендерного образа России в трудах философов «Серебряного века» и выявляется его специфика в структуре цивилизации русской и западной.

Ключевые слова: гендерный образ, национальная идея, универсализм и сверхнационализм.

В истории формирования гендерного образа России как основания цивилизации, национальной культуры и идеологии особую роль играли идеалы «мужественности» и «женственности».

Смысловым центром, формирующим гендерный образ России, является представление о долге России перед человечеством, о ее особом предназначении. Данное представление о таком долге как миссии России для других народов мира было сформулировано П.Я. Чаадаевым в его «Философических письмах».

Чаадаев сначала признал несамостоятельность России как цивилизации, не способной самой выработать нормы и ценности, организующие жизнь, и потому нуждающейся в силе внешнего принуждения. Национальная идея породила два варианта: сверхнационализм и универсализм. Они были признаны исконными особенностями русских, а их реализация рассматривалась как пересмотр основ европейской цивилизации, ее переориентирование в направлении нравственного совершенствования человечества.

Логика исполнения Россией своей гендерной миссии неразрывно связана с разрешением конфликта, ядро которого – отношение России к Европе. Именно в данной проблеме и применялась парадигма женственности и мужественности [1, с. 109].

Время рождения данной проблемы относится к началу XIX века. «После победы над Наполеоном Россия оказалась втянутой в самую гущу европейской политики, обрела значение одной из самых влиятельных политических сил на европейском континенте. Это побудило мыслящих русских людей задуматься об отношении России к Европе, о том, что их связывает и разделяет между собой» [2, с. 5].

Отвергая идею и практику насильственной европеизации России, которым следовали все русские цари, Н.Я. Данилевский видел в славянстве особый культурно-исторический тип, наделенный возвышенными, истинно христианскими чертами. Он подчеркивал: «Самый характер русских и во-

обще славян, чуждый насильственности, исполненный мягкости, покорности, почтительности, имеет наибольшую соотнесенность с христианским идеалом» [3, с. 111].

В типических чертах славянского характера Данилевский выделяет именно то, что делает его идеальным женским характером, как он представлен в обыденном сознании, а в рациональной форме существует в структуре традиционно-патриархальной картины мира. Более того, само реформирование России описывается как акт насилия по своей сути европейского «мужественного» начало над началом славянским, «женственным», воплощенным в первую очередь в русском типе. При этом в славянофильской концепции Н.Я. Данилевского обосновывается превосходство славянского типа над более примитивными «одноосновными» древними и «двухосновным» европейским культурно-историческим типами. Он склонен «питать основательную надежду, что славянский культурно-исторический тип... представит синтез всех сторон культурной деятельности в обширном значении этого слова, сторон, которые разрабатывались его предшественниками на историческом поприще в отдельности или в весьма неполном соединении» [3, с. 111].

Гендерный образ России и ее миссии предстает у В.С. Соловьева как образ социальной гармонии, которую Россия должна осуществить ради блага человечества путем отказа от национального эгоизма. Соловьев, как и большинство русских мыслителей, видел в эмпирической реальности России искажение этой идеи. Осуществление ее в полном объеме – дело далекого будущего. Но залогом грядущего преображения мира является половая любовь – одно из земных воплощений «идеального принципа, одушевляющего» Россию. Смысл любви Соловьев видел в «оправдании и спасении индивидуальности через жертву эгоизма» [4, с. 209].

Любовь порождает новое качество бытия – «совершенное взаимодействие и общение индивидов», которое является следствием преодоления их замкнутости на себе и своих интересах («эгоизма» женственного и мужественного) и встречает в «другом соответствующее, но не одинаковое проявление, так, чтобы отношение одного к другому было полным и постоянным обменом, полным и постоянным утверждением себя в другом» [4, с. 209].

Соловьев стремился представить совершенные отношения людей, появляющиеся в акте истинной любви, как идеальный тип – взаимопроникновение «женственности» и «мужественности», которые в реальности находятся в состоянии постоянной борьбы и эгоистического самоутверждения, по аналогии с тем, как пытаются самоутвердиться в своем национальном эгоизме государства, в частности, Россия, которая эксплуатирует при этом «религиозный характер, присущий русской национальности» и настаивает на исключительности православной церкви. В результате «Церковь... становится для России палладиумом узкого национального партикуляризма, а зачастую даже пассивным орудием эгоистической и ненавистнической политики» [5, с. 193].

Гораздо позже, в 1946 году Н.А. Бердяев в своих размышлениях о России и ее миссии делает вывод: русские мыслители – и философы, и писатели, – ставя конечные вопросы бытия, видели в русском народе народ будущего, который должен искупить грехи западной цивилизации, преодолеть антиномию «мужественности» и «женственности». «Он разрешит вопросы, которые Запад уже не в силах разрешить, которые он даже не ставит во всей глубине» [5, с. 193]. Именно поэтому в осмыслении образа и миссии России заложена интенция глубочайшей критики самих основ не только отечественной реальности, но и созданной Западом цивилизации, непригодной для осуществления целей, которые поставлены перед Россией.

Таким образом, в русском самосознании выражалось стремление осмысления роли России в истории и понятия ее перспектив, а также критика господствующей цивилизации, заимствованной из Европы. Эта критика велась с позиции культуры, в которой были заложены огромные потенции, но которая, вместе с тем, чувствовала себя подавленной, нераскрывшейся, вынужденной приспособливаться к нормам и социальным отношениям, сформированным опытом других социальных отношений и в других исторических условиях. Это задало изначально неравные условия, в которых «мужественная» европейская цивилизация предстала как «норма», а «женственная» Россия – как «особенность».

Образ России и ее миссии, как они оформились к концу XIX века, были обращены к будущему в попытке преодолеть одновременно «тяжелую мерзость» русской жизни и несовершенства европейской цивилизации, следовать тому, что «БОГ думает о нас в вечности» (В.С. Соловьев). В этом смысле огромное значение имело не только искание истины в православной религии, но и стремление обратиться к природе, к земле, космосу и при их посредничестве понять истину, потерянную цивилизацией.

«Ненависть к условной жизни цивилизации привела к исканию правды в народной жизни... Отсюда опрощение, снятие с себя условных и культурных оболочек, желание добраться до подлинного, правдивого ядра жизни...» – писал Н. Бердяев. – В «природе» больше истины и правды, больше «божественного», чем в «культуре» [6, с. 164].

«Великие русские писатели чувствовали конфликт между совершенной культурой и совершенной жизнью, они стремились к совершенной, преображенной жизни... Русская литература не была ренессансной, она было проникнута болью о страданиях человека и народа, и русский гений хотел припасть к земле, к народной стихии... Когда нигилисты протестовали против морали, то они делали это во имя добра. Они изобличали ложь идеальных начал, но делали это во имя любви к неприкрашенной правде. Они восставали против условной лжи цивилизации... Русская литература и мысль носили в значительной степени обличительный характер» [5, с. 105].

Начало XX века и период первой мировой войны, давшей импульс националистическим настроениям, и накануне русской революции 1917 года, надолго прекратили споры о национальном образе России и цивилизации.

Эта мысль была отчетливо выражена В.В. Розановым: «Как мне хочется быть собакой. Собакой. Лошадью на дворе и оберегать Дом и хозяина. Дом – Россия, Хозяин – «истинно русские люди»» [5, с. 280]. Россия у Розанова наделена чертами классической «женственности», и ее бытие в мире описывается им через метафору отношений жены и мужа в семье. ««Женственное начало» у русских налицо: уступчивость, мягкость. Но оно сказывается как сила, обладание, овладение. Не муж обладает женой, это только кажется так, на самом деле жена «обладает мужем», даже до поглощения». И не властью, не прямо, а таинственным «безволием», которое чарует «волящего» и покоряет его себе, как нежность и миловидность. Что будет «мило», то, поверьте, станет и «законом мне»» [7, с. 146].

В идеале женственности здесь подчеркивается не столько мягкость и пассивность, сколько мощная «природная» сила, которая, в конечном счете, всегда побеждает «железную» «мужественность». И в этом, с точки зрения Розанова, – залог будущего величия России, ее победы над «цивилизацией, которая превратилась в «великое мещанство», лишенное идей и идеалов. «мещанство самодовольное, с телефоном и Эйфелевой башней... И эта цивилизация – смерть» [5, с. 267].

В той же степени, что и «великое мещанство», разрушительна для женственной национальной природы русская революция. Характерно, что для революции Розанов тоже находит женский образ – это образ женщины без семьи, т.е. лишенная самой сути «женственности»: «Революция вся была «холостая с девочками» (Богиня Разума, Шарлота Кордэ, мадам Сталь, Жорж Санд), и этот-то «холостой быт» ее и сообщил ей безнадежность и отчаяние. Пожалуй – и силу. Силу именно холостого отчаянного порыва» [5, с. 285]. Противоположность этому «антинациональному» образу – «плачущая Богородица с Младенцем», «русская Божья Матерь» – истинно национальный, по Розанову, идеал «женственности».

Идеал «женственности» «взаимодополнителен» с идеалом «мужественности», который, согласно Розанову, воплощает силу и волю, но выступает как нечто внешнее и подавляющее. Сила, воплощенная, например, в вооруженных воинах на улицах Петрограда, у него «вызывает чисто женственное ощущение безвольности, покорности», трепета [7, с. 34, 35].

Розанов в работе «Женщина перед великой задачей» писал о русской женщине, которая должна свершит основную задачу. «Это – задача переработать нашу цивилизацию, приблизить ее к своему типу; овлажнить сухие ее черты влажностью материнства и краткую «деловитость» – негой и поэзией дитяти, так и хочется добавить – его безгрешностью и святостью».

Если женственное начало становится у Розанова символом величия России, то у Бердяева, одного из выдающихся создателей национального образа России, в тот же самый переломный момент русской истории, связанный с первой мировой войной и преддверием революции, женственное начало выступает трагической антиномией, которая лежит в основании «души» России. «Великая беда русской души – в женственной пассивности, переходящей в «бабье», в недостаток мужественности, к склонности к браку с чужим и чужим мужем... Пассивная рецептивная женственность в отношении государственной власти – так характерна для русского народа и русской истории» [7, с. 146].

По мнению Бердяева, безмолвие, пассивность, отсутствие активности характерны и для русской «национально-стихийной» религиозности, тоже лишенной мужественности, а потому не способной дисциплинировать дух и не требующей от человека духовного подвига.

Мужественность – другая сторона русской антиномии. Она выступает не только как противоположное, но и как начало враждебное женственности. С одной стороны, в России мужественное начало оказывается не освобождающим, а сковывающим, «рассудочно-деловым» началом и накладывает на русскую жизнь «печать безрадостности и придавленности». Мужественность воплощается в чудовищной русской бюрократии. Идеал классической мужественности, рыцарский идеал при соприкосновении с русской национальной почвой превращается в свою противоположность и становится образом насилия.

Бердяев предположил, что созданная российской историей «ловушка», попадая в которую женственность и мужественность (они же русское и западное) обнаруживают свои самые темные стороны, образуется «неверным соотношением», т.е. несоединенностью «мужественного» и «женственного» в русском духе и русском характере. «Безграничная свобода оборачивается безграничным рабством, вечное странничество – вечным застоєм, потому что мужественная история не овладевает национальной стихией в России изнутри, из глубины. Мужественное начало всегда ожидается извне, личное начало не раскрывается в самом русском народе. Отсюда вечная зависимость от инородного» [5, с. 304].

В начале XX века национальный образ России все более основывался как двойственный, сотканный из противоречий воли и безволия, силы и зависимости, стремления к «мужественной» активности и к «женственной» пассивности. Первая мировая война и революция 1917 г. до предела заострили вопрос об отношении к Европе и о потенциях России, поставили перед мыслителями проблему, как, не обрывая своей глубинной «природной» связи с ней, «поднять уровень национальной мысли и связать ее с жизненными задачами, поставленными мировыми событиями» [8, с. 132].

Вопрос этот оказался в России того времени неразрешимым.

Антиномия «женственности» и «мужественности» красной нитью прошла через искания творцов русской идеологии и культуры. «Женственность» и «мужественность» понимались ими как два исходных начала русской жизни, которые находятся в постоянной борьбе, не знавшей примирения. Конфликт «мужественности» и «женственности», понятых как взаимоисключающие и по сути враждебных начала, – один из основных элементов в национальном образе России – стал в то же время сквозной темой в знаменитых романах Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. Но антагонизм «мужественности» и «женственности» есть в то же время характерно «русское» обозначение несоединимости, искаженности отношения России и Запада, поскольку навязывание европейской цивилизации этого образа России чудовищными методами российской власти неминуемо приводило к тому, что эта цивилизация, и эта власть воспринималась как чужое, привнесенное извне.

В заключении подчеркнем необходимость изучения проблемы гендерного аспекта образа России в цивилизационном процессе: и потому, что это расширяет круг источников анализа стереотипов маскулинности и феминности; и потому, что позволяет открыть новые грани в исследовании одной из самых иррациональных сфер человеческого бытия – национальной, особенно в современных условиях представления о России в ходе противостояния России и Запада и принятия против нее различных видов санкций.

Библиографический список

1. Здравомыслова, О.М. «Русская идея»: антиномия женственности и мужественности в национальном образе России / О.М. Здравомыслова // *Общественные науки и современность*. – 2000. – № 4. – С. 109–115.
2. Межуев, В.О. О национальной идее / В.О. Межуев // *Вопросы философии*. – 1997. – № 12. – С. 5–12.
3. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М.: Правда, 1995. – 495 с.
4. Соловьев, В.С. Смысл любви / В.С. Соловьев // *Семья*. – М.: Республика, 1990. – Т. 2. – 385 с.
5. Соловьев, В.С. Русская идея / В.С. Соловьев // *Философская публицистика*. – М.: Правда, 1992. – С. 219–247.
6. Бердяев, Н.А. О России и русской философской культуре / Н.А. Бердяев. – М.: Республика, 1990. – 274 с.
7. Бердяев, Н.А. Судьба России / Н.А. Бердяев. – М.: Печатный двор, 1918. – 194 с.
8. Гулыга, А. Русская идея и ее творцы / А. Гулыга. – М.: Правда, 1995. – 216 с.

[К содержанию](#)